

Максим
Воробьев

**ЖИЗНЬ
ОГНЯ**

12+

Максим Воробьев

ЖИЗНЬ ОГНЯ

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Воробьев М.

Жизнь огня / М. Воробьев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-99790-5

Рассказы, вошедшие в эту книгу, очень различны в жанровом отношении. Впечатляет диапазон – от почти документальной прозы до сказки, от фантастики и до притчи. Почетный гость, приглашенный на вечеринку, вдруг меняет обличье и растворяется в воздухе. Цветущей планете угрожает превращение в сырьевую колонию, а в пламени, вырывающемся из жерла вулкана, проступают черты огненного исполина. Объединяет эти истории одно – пристальное и вдумчивое отношение к жизни, попытка проникнуть в самую суть описываемых событий и душевных переживаний персонажей.

ISBN 978-5-532-99790-5

© Воробьев М., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

На свадьбу	5
Важный гость	7
Картина в подарок	10
Провозвестник	13
Отсталая цивилизация	16
Крушение	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Максим Воробьев

Жизнь огня

На свадьбу

(Рассказ попутчицы)

Поезд уже набрал ход, и мерный перестук колес плавно перешел в нескончаемый аккомпанемент рельсовой мелодии. Наш плацкартный вагон, забитый, как водится, до отказа, начал жить обычной дорожной жизнью. Напротив меня сидела старуха с изборожденным морщинами волевым лицом, на котором выделялся орлиный нос. Большой подбородок и цепкие черные жгучие глаза под густыми нависшими бровями довершали ее колоритный облик. Она не утратила еще прежней стати и сидела прямо и величественно. После обычных хлопот по устройству временного пристанища она обратилась к соседке:

– Ты далеко ли едешь?

Получив утвердительный ответ, она начала свой монолог, изредка перебиваемый проходящими мимо людьми.

– Вот еду с Крыма к внуку на свадьбу. Сама-то я русская, кацапка. С Воронежа.

Как в Крыму очутилась? Ну, на этот вопрос надо ответить обстоятельно. Мне-то всего три года было, когда мои родители с Воронежа на Донбасс переехали. Там голод был. Жили в бараке – две койки на семью. Хоть сколь человек – все одно – две койки. Если семеро детишек – поперек кладки. Ну, нас-то всего четверо было. Отец с матерью, да я с сестрой. Сестре пять, мне три, годочков.

Отец на шахте работал. Где-то с год поработал. Там им молоко давали. Попил холодного молока, да и заболел. Сегодня попил – завтра в больницу отвезли, послезавтра – хоронить. Крупозное воспаление легких. Остались мы с матерью вдвоем, а она тогда большая ходила, брата нашего ждала. Отец-то рассказывал, сон ему приснился нехороший: курица под кроватью кудахчет. Думал, мать не разродится; свою мать на подмогу вызвал. А получилось – самому...

А его мать-то по нём сильно убивалась, 32 года-то всего прожил. Потом уж моя мать брата нашего родила, и ее домой отправила. А она все карточку вынет, где ее сын, да мы с матерью, и все слезами заливаются. Через это и померла скоро. Шибко за сына и его семью переживала. А я с восьми лет уже семью кормила.

Рано, часов в пять, иду по карточкам хлеб получать. Стою. Потом напишут на плече номер тысяча восемьсот десять, например. Иду учиться. После школы прихожу – уже пятисотая. Вот так и жили. Мать на работе, ей некогда в очереди стоять. Лет с двенадцати стали и на работы привлекать.

Война началась. Мать нам деньги дала, говорит:

– Бегите по всем магазинам, покупайте мыло и спички, потом менять будем.

Немцы пришли, у них и выменивали на хлеб. Они-то не трогали, вроде как брезговали, а мадьяры – те отымали все. По домам ходили, у кого что есть – все гребли. Придет, бывало, мать вся в слезах: «Ничего я детки покушать не принесла, все отобрали».

Немцев красные прогнали. Стали нас привлекать к работе и ничего не платили, только палочки ставили. В сорок шестом голод был. Мать тачку взяла, и поехали мы с ней в Воронеж, к своим. Брат на тачке сидит, а мы его везем по очереди.

В Воронеже тоже голод. Помыкались там, да так обратно на Донбасс и подались. В сорок седьмом сестричку забрали на работы. Разнарядка пришла – два человека с района.

А у нас заступы не было никого. Пальцем показали на сестру, да еще на одну девушку, и их забрали. Потом я поехала на работу к сестре устраиваться. Ходила, ходила, говорят: «Вот только вчера взяли человека на место». Наконец устроилась в СМУ 2, там работала.

Начальники все боялись, что им за меня попадет, годков-то моих маловато для такой работы. А работа тяжелая была! Ломиком, вдвоем, например, шпалы из-под рельс доставали. Поработала я так с годик, тут приходит письмо от матери: «Приезжай», – пишет. И я снова на Донбасс поехала. Там нам уже общежитие дали – в одном коридоре много комнат.

А тут приехали вербовать на переселение в Крым. Ну, мы и поехали... Там нам сразу домик дали и 1200 рублей подъемных. Мы на них корову купили, она двести рублей стоила. Пошла я работать на хлопок. Передовичкой стала – больше всех хлопка собирала.

Корреспонденты приехали, спрашивают:

– Сколько хлопка собираете?

– Сколько Бог даст, – отвечаю.

А и почему я знаю сколько? Я же его не взвешивала, работаю себе и работаю.

В Москву даже, на выставку, ездила. Потом хлопок сажать перестали, стала старшей сви-наркой.

Потом виноград подвязывать стала. Тридцать три года на винограднике отработала. Сыновья мне помогали. Хотели не хотели – надо было. Дед мой, он в городе работал, а я – в колхозе.

С дедом мы уже пятьдесят три года живем. Слава Богу! Никогда не думала, что с такой жизнью до таких лет доживу и внуков увижу, и правнуков...

Подошел мужик лет пятидесяти, с простым, словно вытесанным из дерева, вытянутым лицом и таким же подбородком, как у старухи:

– Ну, как ты тут, Мама? – спросил он с плохо скрытой нежностью, – не обижают?

– Ой, совсем меня разобидели, видишь, сижу, слезы утираю, – грубовато ответила попутчица. Тот постоял в нерешительности.

– Ну, иди, иди к себе.

Мой маленький... Они там разговаривают, выпивают немного, а я только кефир пью. Другого мне и не надо. Мешать им только там буду. Старая стала, больная.

Сейчас ослабела. Раньше было мешок – семьдесят килограмм – на плечо возьму и айда! А сейчас и двадцать кэгэ тяжело.

Жизнь прожили – и слава Богу!

Она замолчала и стала готовиться ко сну.

Поезд, плавно покачиваясь, вез нас через ночь к завтрашнему утру.

Важный гость

Веселье было в разгаре. Загородный санаторий, заказанный для мероприятия, блистал огнями фонарей, гирлянд и то и дело освещался вспыхивающими фейерверками. Люди собрались не бедные, уважаемые. Могли себе позволить немного развлечься и отдохнуть от повседневных забот.

Очередной мерседес, сааб или джип подкатывал ко входу главного корпуса; пока гость поднимался по широкой лестнице, полуобнаженные танцовщицы, поеживаясь от октябрьского ночного холода, лихо выплясывали канкан на верхней площадке. Процедура исправно повторялась в честь каждого новоприбывшего. Услужливые швейцары распахивали двери, и гость попадал в просторный холл. Вслед за ним вбегали танцовщицы и сразу устремлялись в боковую комнату – греться.

Внутри звучала какая-то зарубежная музыка. Вальяжно прохаживаясь по мраморному полу, гости приветствовали друг друга, переговаривались. Некоторые были с молоденькими спутницами. То тут, то там завязывались беседы. Ловкие официанты, одетые во фраки, лавировали между посетителями с подносами, уставленными бокалами и закуской. По первому намеку они немедленно подплывали к изъявившему желание воспользоваться их услугами.

За полуприкрытыми дверями, ведущими вглубь здания, угадывался огромный банкетный зал. Длинный стол, роскошно убранный всевозможными изысканными яствами, невольно притягивал взгляды собравшихся. Напротив стола возвышалась сцена, на которой томились ожиданием музыканты. В дальнем конце – два отдельных столика, так называемого «кабинета», отгороженные от остальной залы тяжелыми бордовыми занавесями.

В России конца 90-х годов XX века, придавленной реформами и дефолтом, такие вечера были исполнены особого шика. На фоне остальной страны, продолжающей разрушаться и нищать, зрелище являлось разительным контрастом. Разумеется, здесь собирались только избранные, окруженные надежной охраной. Возглавлял охрану проверенный человек, пришедший из органов, Петр Николаевич. Службу свою он знал досконально и потому пользовался заслуженным почетом и уважением.

Сейчас, стоя в углу холла, он одновременно наблюдал и за гостями, и за обслугой, и за своими подчиненными. Ни одно перемещение не ускользало от его внимания. Сегодня он чувствовал смутное беспокойство. Слишком уж важная шишка будет присутствовать на вечеринке. Это практически федеральный уровень, и если что-то случится, с него спросят по полной. Петр понимал, что все под контролем, все отработано, привычно, и неожиданностей быть не должно, но беспокойство никуда не исчезало.

Среди собравшихся наиболее уважаемыми людьми были Анатолий Васильевич Босякин – плотный, с красным лицом, и Гасим Исхакович Курдыев, обрюзгший, с бегающими масляными глазками. Первый был директором местного комбината и по совместительству владельцем сети магазинов и народным депутатом. Второй – владелец городских рынков и оптовых баз.

Можно было бы уже и перейти в банкетный зал, но ждали особо важного и почетного гостя. Он должен был прибыть по личному приглашению Босякина, хозяина вечера, поэтому собравшиеся время от времени поглядывали на него.

Единственный, кто держался достаточно независимо, был Марат Гарипович – подтянутый мужчина средних лет, с орлиным носом, более известный под именем Маратка-счетчик. Его братки держали всю область в страхе и подчинении, а в друзьях, кроме вышеупомянутых лиц, числились областной прокурор и замначальника милиции. Сейчас Марат культурно отдыхал, а его братаны сучали на стоянке машин возле проходной.

Маратка-счетчик был наиболее беспокойный клиент, и для присмотра за ним Петру пришлось назначить персонального опекуна. Впрочем, еще не все были в сборе. Машины продолжали подъезжать к крыльцу, и танцовщицы периодически отплясывали свой танец и бегали в подсобку.

Но вот у главного входа плавно затормозили, возникшие словно ниоткуда, два черных БМВ. Выскочившие из первого, охранники заняли отработанные позиции: двое на лестнице, а один услужливо открыл дверцу второго автомобиля.

Девицы еле успели выскочить из корпуса и прямо на ходу принялись отплясывать положенный канкан. Важный гость не спеша вылез из машины. Это был плотно сбитый, пожалуй, даже полноватый мужчина среднего роста, неопределенных лет и с довольно заметной лысиной. Его лицо нечасто, но все же мелькало на экранах телевизоров.

Окинув равнодушным холодным взглядом здание, он поднялся по лестнице, миновал вытянувшихся швейцаров и вошел в холл. Его охранники остались на улице. Распорядитель праздника, доверенный хозяина, тотчас подскочил к новоприбывшему и что-то зашептал ему на ухо. Подобострастная улыбка не сходила с его лица. Важный гость бесстрастно выслушал, кивнул и вслед за распорядителем, услужливо распахнувшим двери, проследовал в банкетный зал. За ними потянулись остальные. Оркестр на сцене заиграл нечто торжественное и бравурное.

Как и полагалось, почетный гость воссел на заранее приготовленное место во главе стола. По обе руки от него сели Анатолий Васильевич с девушкой и Гасим Исхакович. Потом стали рассаживаться остальные. Маратка-счетчик, особо не разбирая, уселся где-то посередине. Петр Николаевич скромно занял свое место в углу возле двери. Трое других охранников расположились у дверей на кухню и в уборную. Распорядитель увивался возле важного гостя и директора комбината.

В этот момент погас свет. Начальник охраны внутренне напрягся. Ох, не любил он такие вот сюрпризы.

– Не волнуйтесь, уважаемые! – крикнул распорядитель. – Сейчас все наладим!

Он метнулся к дверям, в темноте едва не сбив Петра.

– Давай быстрее! – сквозь зубы прошипел начальник охраны.

Музыканты перестали играть, и в зале повисла гнетущая тишина. Совсем темно не было, из окон падал свет от уличных фонарей и гирлянд.

«Это хорошо, – отметил про себя Петр, – значит перебои с электричеством только в здании, а не на всей территории; скоро должны починить».

В полумраке было отчетливо видно, как находившийся во главе стола важный гость медленно поднялся со своего места. Он казался неестественно высоким и похудевшим. Все взгляды были прикованы к нему. Людью овладело странное оцепенение, смешанное с чувством животного страха.

Петр хотел было пошевелинуться, разрядить обстановку, но вдруг с ужасом понял, что его тело ему не повинуется. Он попытался открыть рот, но не смог этого сделать. Он впился глазами в загадочного гостя. В этот момент начальник охраны мог бы поклясться, что рост того был более двух метров. Да нет! Его голова сейчас почти касалась потолка. Он был просто огромен!

В мертвой тишине гость вытянул вперед правую руку, в глазах вспыхнул красный огонь. Длинный костлявый палец словно вонзился в директора завода. Босьякин захрипел и упал лицом в тарелку. Рука с костлявым пальцем устремилась к владельцу рынка. Издав сдавленный стон, тот рухнул со своего стула. Палец уже готовился указывать на следующую жертву.

В этот момент опомнился Маратка-счетчик. Привычным движением он выхватил из внутреннего кармана пиджака пистолет. Почти автоматически вскинул руку, оставалось только примерно навести ствол и нажать на спусковой крючок. Тут Маратка удивленно обнаружил,

что его рука сама собой согнулась, и дуло пистолета находится возле виска. Додумать он не успел. Палец нажал на спуск, грянул выстрел, и местный мафиози грохнулся на пол с простреленной головой. Раздался душераздирающий женский крик. Но все еще находились в оцепенении.

Важный гость усмехнулся и, повернувшись к собравшимся спиной, спокойно прошел в отдельный «кабинет». Напоследок он обернулся. Лицо его вытянулось и стало неузнаваемо худым, лишь усмешка все еще продолжала кривить рот. Окинув зал ледяным взглядом, он задернул за собой тяжелый занавес. И тут же зажегся свет.

Первым пришел в себя начальник охраны. Он кинулся к занавесу, за которым скрылся страшный гость, и рывком дёрнул его в сторону. В «кабинете» никого не было. Петр тупо смотрел перед собой и не мог понять, что произошло. За его спиной бушевала паника. Истошные крики, грохот опрокидываемых стульев, топот бегущих ног. Надо было срочно принимать меры.

– Всем стоять! – истошно заорал Петр. – Никто не должен покинуть помещения до приезда милиции!

По его знаку охранники кое-как протиснулись к дверям и заблокировали выход на улицу. Успевших выбежать из корпуса, вежливо, но настойчиво, попросили вернуться.

В банкетном зале никого не осталось, кроме Петра и трех тел. Скорее по профессиональной привычке, он подошел к уткнувшемуся в разбитую тарелку директору комбината, потрогал. Тот был мертв. Искаженное лицо и полные невыразимого ужаса застывшие глаза. Осматривать владельца рынка и Маратку Петр не стал. И так все ясно. Нельзя терять время. Он достал рацию и вызвал проходную. Он предчувствовал, что услышит в ответ, но надо было все сделать, как положено.

– Проходная! Немедленно заблокируйте ворота! Не выпускайте БМВ!

– Ты че, Николаич! Какие БМВ?

– Которые заехали на территорию около получаса назад!

– Да не было таких. Вот подъезжали джипы, сааб, мерсы, ауди. А БМВ точно не было!

– В общем, никого не выпускать! У нас ЧП. Вызываю милицию.

– Понятно. А впускать можно?

– Можно. Пока отбой.

Преодолевая навалившуюся усталость и слабость в ногах, Петр вызвал милицию и вышел в холл. Его встретили перепуганные лица. Кто-то бился в истерике, кто-то грозил страшными карами.

– Внимание! Сейчас приедет милиция и будет вести следствие. Пока прошу оставаться здесь.

– Нам домой надо!

– Мне страшно!

– Я не могу здесь больше оставаться!

Кричали все одновременно, но Петр никого не слышал. Его взгляд был устремлен на улицу. Через окно отчетливо было видно, как к крыльцу подъехали два черных БМВ. Петр Николаевич выскочил на улицу и машинально сделал несколько шагов вниз по лестнице. Плотный, упитанный человек среднего роста с заметной лысиной уже поднимался по ступеням. «Один к одному!» – пронеслось в голове начальника охраны.

– Ну, что уставился? – сказал Важный гость Петру. – Давно ждете? Дела задержали.

Он прошел мимо остолбеневшего швейцара, по пятам за ним следовали охранники.

Важный гость вошел в холл. Присутствующие, не сводя с него глаз, жались к стенкам.

– Что-то у вас не весело, – изрек гость. – Пора веселиться! А где Анатолий Васильевич? В помещении повисла гробовая тишина.

Картина в подарок

– А я, вот что скажу, – Всеволод поставил бокал на стол. – Художественное произведение, оно всегда уникально, но его оценка, и в художественном, и в прямом смысле, напрямую зависит от окружения. От критиков и, так сказать, рекламы. Я в этом на личном опыте убедился.

– Ну, давай, рассказывай! – наперебой загалдели гости, предвкушая интересную историю, зная, что Сева мастер рассказывать заковыристые случаи из жизни.

– Было это, значит, лет двадцать пять назад. Я, тогда еще студент Строгановки, жил в общежитии, но вдобавок имел еще и свой уголок в кладовке, который гордо именовал мастерской. Да и не только я, друзья ко мне приходили, писали, работали. Спорили, бывало, до хрипоты, новости рассказывали – общались, словом. Ну, конечно, без выпивки не обходилось. Всякое бывало...

Особенно я сдружился с Игорем и Лехой. Нас даже тремя мушкетерами прозвали. Все – студенты второкурсники, Игорь только на год старше. Но зато выглядел солиднее на все десять. Такой степенный, упитанный, рассудительный, с бородкой.

Как водится, мы и с девчонками дружили, и любовь крутили – все как полагается. Вот как-то мы и познакомились с одной интересной молодой особой. Настя ее звали. Училась она на подготовительных курсах, летом в нашу Строгановку поступать собиралась. Лехе она сильно нравилась, ну, мы друзья – так рядом, для поддержки. Однажды Леха нам и говорит: «Ребята, нас Настя на свой день рождения приглашает. Я куплю цветы, торт, какие-нибудь сережки, но нужен подарок, так сказать, художественный. Ты, Сева, будь другом, изобрази что-нибудь, у тебя и мастерская, и, вообще, ты быстро пишешь, я так не могу.

– Ну ладно, – отвечаю, – попробую. Когда день рождения-то?

– А, послезавтра.

– Чего ж ты раньше-то молчал!?

– Да сам сегодня только узнал.

Что делать? Время уже к вечеру. Я сразу в мастерскую, сделал набросок, все наметил, распланировал. Помню, сюжет какой-то накрутил: что-то и про время, часы, девушка, пещера, море. Ну ладно, думаю, завтра на занятия не пойду, буду писать. Писать надо маслом, а ведь до послезавтра может и не высохнуть. Даже если скипидаром разводить. Ну да ничего, в этюдник положу, принесу, так сказать, свежее произведение искусства, с пылу, с жару.

Уже и краски достал, и первые мазки положил. Но тут стучатся ко мне в дверь друзья-приятели с параллельного потока. Разумеется, с бутылкой и спорами об искусстве. И пошло-поехало. Не хватило, конечно. Сбегали в магазин, продолжили. На занятия я на утро не попал. Просто банально проспал. Проснулся – голова гудит, во рту сухо и мерзко. Пришлось сразу идти в магазин – лечиться. А там опять друзей встретил. И все по новой. Уже где-то часов в пять вечера заходят ко мне Игорь с Лехой.

Посмотрели: на картине еще конь не валялся, я – никакой, а завтра уже дарить надо. Леха было запаниковал, но Игорь все взял в свои руки. Всех других гостей выгнал: «Работать человеку не даете!»

Остались мы втроем, он и говорит: «Давай, Севка, до ночи постарайся успеть». Они с Лехой просидели со мной часа три, видят, я честно пытаюсь, но мало что выходит. Тогда Игорь опять все берет на себя:

– Вот что, ты уж, Севка, сделай, что можешь, а нам пора. В любом случае бери, что получится, и завтра в три мы у Насти встречаемся. Адрес помнишь?

– Угу.

– Ну, вот и хорошо. А ты, Леха, не расстраивайся, все нормально будет. Я тебе обещаю.

С тем они и ушли. Я честно старался что-то изобразить, но голова была мутная, руки не слушались. Мазал, мазал – всю поверхность холста заляпал. Уже во втором часу ночи плюнул на все и завалился спать. Прямо здесь же, в мастерской. Спать до смерти хотелось.

Проснулся около одиннадцати. Хоть человеком себя почувствовал. Глянул на холст – ужас! Мазня мазней. Тогда сотовых телефонов не было, а то бы сразу кинулся Игорю звонить, что ничего не вышло, и на день рождения я не поеду. Но делать было нечего, уговор дороже денег. Умылся, намарафетился, мазню свою засунул в этюдник, и – в метро. Через всю Москву еду в гости – картину дарить. Еду, а совесть прямо заедает. Злюсь на себя, на приятелей, с которыми выпивал, на Леху, что поздно узнал про день рождения. Но наконец, доехал, звоню в дверь.

Настя открывает, вся нарядная, радостная. А за спиной у нее Леха с Игорем маячат. Мне ободряюще кивают и подмигивают. «Ну, – думаю, – сейчас перестанете, как мою мазню увидите. Пропадать, так с музыкой!»

– Настя, – говорю, – с днем рождения тебя! – и даже в щечку поцеловал. – А вот и мой подарок – специально для тебя картину писал, правда, не высохла еще.

И достаю свою мазню из этюдника. Думал, сквозь землю провалюсь. Но ничего, выдержал. Как рак, красный стою, холст в руке, показать не решаюсь. Все гости сбежались – человек десять – парни, девчонки.

Тут Игорь ко мне подходит и так по-хозяйски:

– Ну-ка, ну-ка дай посмотреть, что ты там ночами вымучивал, какой шедевр.

Забирает у меня холст и ставит на стул посередине комнаты на всеобщее обозрение. А у меня в голове: «Вот моя настоящая минута позора!» Если бы гости вход не загораживали, то убежал бы – только меня и видели. Зубы стиснул, весь потом покрылся, но стою.

А все молчат. Смотрят то на картину, то на Игоря. Он ведь среди всех самый авторитетный и понимающий. А тот тоже молчит. Многозначительно бороду мнет и разглядывает мою мазню, будто никогда не видел. Долгую такую паузу держал, я уже потихоньку стал к двери пробираться. Но тут Игорь изрек:

– Ну, ты, Сева, просто ошаршил! Это же настоящий шедевр! Посмотрите, какая глубина мысли, какая экспрессия! А мазок, какой уверенный! Поздравляю! А тебе-то, Настя, как повезло! Такие вещи обычно не дарят. Это же можно сразу в частную коллекцию или музей, м-да!

И Леха тут же рядом головой кивает и поддакивает. Тут все наперебой давай мою картину хвалить; я уже немного приободрился. Настя за молотком кого-то послала, чтобы тут же над кроватью мой шедевр водрузить. Прибили, повесили. Ну а потом, конечно, все в большую комнату, за стол. Торт, вино – все своим чередом. Я даже в роль непризнанного начинающего гения вошел.

Перед уходом я еще раз в Настину комнату зашел. Весь вечер моей картиной восхищались, может, думаю, я чего-то не понимаю? Надо свежим непредвзятым взглядом свое творение оценить. Зашел, глянул – мазня мазней. Но все довольны, а именинница больше всех. Может, до сих пор моя картина у нее в комнате висит. Вот вам истинная история одного шедевра.

Все помолчали.

– А что дальше было? Ну, у вашего друга с Настей, – спросила молоденькая Лиза и смутилась.

– А ничего. Что-то у них не заладилось. Не знаю. А потом я институт закончил и уехал из Москвы. 90-е годы, перестройка, тут ни до чего было, каждый выживал как мог.

– С друзьями отношения поддерживаешь? – поинтересовался солидный и вдумчивый Владимир.

– Да так... Как придется. Изредка перезваниваемся. Леха тоже после института к себе в Воронеж уехал. Сейчас, кажется, в художественной школе преподает. Игорь долго перебивался. То без работы, то в торговлю кинулся, одно время менеджером в какой-то зарубежной компании работал. Но, где-то года два как устроился помощником одного известного галериста, – Всеволод назвал фамилию, – вроде доволен.

– Ой! – воскликнула Лиза. – Я как раз недавно передачу по телевизору смотрела, про одного известного художника N. Вот этот владелец галереи там выступал. Расхваливал художника, его творчество. Картины его показывали. По всему миру они продаются. Но мне они почему-то не понравились. Всё как-то намазано, не знаю. Я, наверное, не разбираюсь.

– Вот, именно! – усмехнулся Всеволод, – я про то и говорю. Реклама – это вещь! Игорь сейчас на своем месте. Предлагаю выпить за творчество и его популяризацию и продвижение, – он налил бокал. – В общем, чтобы у нас, как у художника N, все удачно совпало!

И все выпили.

Провозвестник

Мерный перестук колес уже вошел в свой непрерывный, устремленный вдаль ритм. Проводница проверила билеты и разносила белье. В плацкартном вагоне одно купе оказалось занято исключительно мужчинами. Трое из них были молчаливы и погружены в свои мысли, а четвертый внимательно разглядывал своих попутчиков. Его место было наверху, но он не спешил туда забираться. Возраст собравшихся в купе был примерно одинаков – от 35 до 45 лет.

– До конца едете? – спросил любопытный, встретившись взглядом с одним из пассажиров.

– Да.

– Наверное, в командировку?

– Угадали...

– Я всегда угадываю!

Это заявление заставило соседей повнимательнее присмотреться к своему собеседнику.

Среднего роста, телосложение умеренное, небольшой животик. Лицо подвижное, заостренное какое-то, покрытое трех- или четырехдневной щетиной. Глаза... Глаза серо-голубые, с каким-то лихорадочным блеском. Они все время обращены куда-то внутрь, разглядывая там что-то, недоступное стороннему наблюдателю. Разглядывание это было постоянным, даже когда странный попутчик с кем-то разговаривал. Впечатление довершала открытая банка пива в чуть дрожащей руке, периодически подносившаяся ко рту для очередного глотка.

Заметив впечатление, произведенное его словами, попутчик выдержал паузу, достойную опытного актера. Даже покрасовался перед соседями, таким породистым кобелем на выставке.

– Вас, вижу, удивило то, что я сказал? Но здесь нет никакого секрета. Видите ли, человек обладает огромными внутренними резервами. Обычные люди даже не подозревают какими! Надо только уметь их в себе раскрыть! Да-да! Я уже двадцать лет тренирую свою душу и тело, свою ауру. Знаком вам такой термин? Это хорошо! Я прошел много различных курсов, посвящений и инициаций и достиг полноты свободы. Я соединился с высшими силами, и для меня не существует ничего недоступного!

– Понятно, – изрек мужчина снизу и уныло уставился в окно.

– Я вижу, вы пока не готовы принять мои слова. Это не удивительно. Вся окружающая нас жизнь старается запереть нас в рамках привычной обыденности. Давайте для начала познакомимся. Мы тут все, примерно, ровесники, так что без излишних формальностей, я – Сергей, можно просто Серж.

Поскольку внимание соседа снизу было полностью поглощено тем, что происходило за окном, Серж переключился на двух соседей напротив.

– Вас как зовут?

– Владимир.

– А вас?

– Николай.

– Давайте запросто, мы же здесь не на конференции. Так вот, Володя и Коля, я вижу в вас потенциал для развития.

– Какого развития? – Николай внимательно посмотрел на собеседника.

– Духовного, разумеется. Вы должны раскрыть свои скрытые возможности.

– Зачем?

– Ну это просто наивный вопрос! – Серж достал из сумки следующую банку пива.

– Наша главная цель – спасение души, а скрытые возможности, если будет надо, Бог даст. А не даст, так и не надо.

– Вы, я полагаю, приверженец традиционной религии? – откупорив банку, вкрадчиво спросил Серж.

– Да, я православный.

– Наверное, служитель культа?

– Нет, просто прихожанин нашего храма.

– Так, так... А когда вы родились?

– А что, это важно? – Николай как-то весь подобрался.

– Конечно! Ведь дата рождения определяет весь жизненный путь человека. Я, например, скорпион, рожденный в год огненного дракона. Это не простые знаки...

– Бог дал человеку свободную волю для того, чтобы он сам мог определять свою судьбу, а гороскопы – это ерунда.

– Вы что, не верите в астрологию? – изумился Серж.

– Нет.

– Ну, это глупо – отрицать общепризнанные факты.

– Это не факты, а домыслы, внушенные врагом рода человеческого, – Николай говорил сухо, явно не желая продолжать разговор, но Серж этого не замечал.

– Вы, наверное, и меня зачислите в служители сатаны? – спросил он с явной иронией.

Николай промолчал.

– Я вижу, вы во власти ортодоксальных заблуждений, – Серж начал вещать так, словно находился на трибуне, только периодическое прихлёбывание из очередной банки разрушало это впечатление.

– Вы что, всерьез полагаете, что косная религия откроет вам нечто новое? Церковь – это же организация. Там жесточайшая дисциплина, и никто не имеет права шагнуть в сторону без разрешения, так называемого благословения. Вообще, религия – это прибежище темных и недалеких людей. Сейчас, в век небывалого прогресса, об этом даже неудобно говорить. Эзотерическое, тайное знание теперь доступно для любого мыслящего человека. Есть книги, Интернет – развивайся, иди к космическому разуму. Делай жизнь на земле благоднее и лучше.

– Мы это уже проходили, – сухо заметил Николай и тоже стал смотреть в окно.

– Вот это хорошо! Вы на какой степени посвящения? – это уже относилось к Владимиру. Тот непонимающе посмотрел на разглагольствующего оратора.

– А, кажется, мой вопрос неясен? Вот что, Володя, ведь Володя? Я не ошибся? Так вот, Володя, известно ли тебе что-либо о «Тайной доктрине», Блаватской, Рерихе? Да, я вижу, ты что-то слышал, но сам не читал. Увлекательнейшее чтение!

Вдохновенная речь Сержа продолжалась часа три. За это время он упомянул о Египетских пирамидах, исследовании космоса, Пифагоре, Индии, китайских монастырях, папе римском, фотосинтезе и множестве других занимательных вещей. Причем, было непонятно, к кому он обращается. Двое попутчиков на него уже не реагировали, и лишь Володя иногда односложно отвечал на настойчиво задаваемые ему вопросы.

Несколько раз он пытался намекнуть Сержу, что пора заканчивать, так как завтра нужно рано вставать. На что неизменно получал ответ: «Да, да, конечно! Еще два слова». После чего развивалась какая-нибудь новая тема. Наконец Серж сообщил, что его пиво закончилось, и он намерен сходить в ресторан за добавкой. Порассуждав еще минут десять о биоэнергетике, он удалился.

Соседи давно уже спали, когда Володя наконец-то забрался на свою полку. Накрывшись простыней, он через несколько минут провалился в беспокойное забытие. Какие-то черные

образины мелькали перед ним, плясали в хороводе, тянули к нему мохнатые руки. Ночью он проснулся от ощущения удушья. Глянув в сторону, он увидел Сержа.

Провозвестник идеи всемирного разума развалился на верхней полке, похрапывая во сне и распространяя по вагону тяжелый запах перегара.

Отсталая цивилизация

Звезда Деметра из галактики NGC 4315 давно превратилась в маленькую блестящую точку, затерявшуюся среди других звезд, но до Солнечной системы было еще далеко. Командор разведывательного космического корабля Джеймс Кид выключил диктофон, раскрыл пачку «Орбита» и принялся меланхолично жевать. Для продолжения отчета надо было собраться с мыслями.

Ему повезло. Экспедиция впервые в истории освоения дальнего космоса открыла планету, почти полностью идентичную Земле, да еще и с достаточно развитой цивилизацией разумных существ, почти не отличимых от людей. В памяти мельтешили недавние воспоминания.

Они пробыли на планете почти полгода, точнее, пять месяцев и двенадцать дней. Достаточно времени для изучения, но вопросов все равно было больше, чем ответов. Особенно неприятной оказалась степень развития цивилизации. Разумеется, она более отсталая, чем земная, но насколько?

В космос они не летают, хотя по уровню технологий вполне могли бы. В ближний, на околопланетную орбиту спутник запустить, например. В биологии совсем отсталые, до геной инженерии до сих пор не додумались. Вернее, как Джеймс понял из разговоров, это направление у них под запретом.

Социальный строй – полное средневековье. На Земле даже не поверят: монархия, причем тесно переплетенная с религией. Несколько десятков местных народностей давно объединены в единое планетное государство. Но что самое поразительное – у них нет армии! Так, небольшая кучка стражей порядка, которую лишь с натяжкой можно назвать внутренними войсками. Джеймс несколько раз беседовал с монархом, и на его недоуменные вопросы тот отвечал одинаково: «Нам не с кем воевать, а убийство противно Богу».

– А угроза из космоса? – выпалил Джеймс.

– За всю нашу трех тысячелетнюю историю, вы – первые пришельцы. При этом не проявляете агрессивных намерений, – монарх внимательно посмотрел в лицо командора.

Тот утвердительно кивнул, а про себя подумал: «Какая уж тут агрессия, с экипажем в шесть человек». По приблизительным подсчетам, население планеты колебалось в пределах полутора-двух миллиардов. А сам задал вопрос, давно его занимавший:

– А почему вы, если религия занимает столь важное место в вашей жизни, не приняли нас за богов?

У монарха заиграли веселые огоньки в глазах, и легкая улыбка тронула губы.

– Видите ли, командор, во-первых, Бог один. А во-вторых, ваше поведение, физические свойства и образ мыслей красноречиво свидетельствуют о том, что вы люди. Причем, несмотря на высокую степень технического развития, с достаточно примитивными понятиями о религии и нравственности.

Джеймс закусил губу.

– Простите, я не хотел вас обидеть, – монарх дружески похлопал командора по плечу, – просто правдиво ответил на ваш вопрос.

Вопросы, вопросы... Их было слишком много.

Обитатели планеты додумались до лазеров, широко используют их в промышленности и медицине. Да и смертность, кстати, низкая. А средняя продолжительность жизни – двести двадцать тамошних лет. Астрономический год отличается от земного незначительно, так что вполне хороший показатель. «На Земле сейчас около ста пятидесяти, – вспомнил Джеймс, – правда, здесь и болезней, и эпидемий поменьше, чем у нас». Самым непостижимым было уме-

ние аборигенов управлять климатом планеты. На Земле только-только вплотную подошли к решению этого вопроса.

И все эти достижения меркнут на фоне отсутствия свободы слова и религиозного мракобесия. Любое государственное событие является одновременно и религиозным, и наоборот. А их немислимо длинные богослужения! Командору ни разу не удалось достоять до конца, даже из любопытства. Тратить несколько часов бесценного времени ради приличия он просто не имел права.

Джеймс выплюнул жвачку, которую тут же подхватил утилизатор, и снова включил диктофон.

– Перехожу к конкретным предложениям. Представляется целесообразным послать на планету просветительную экспедицию, которая могла бы в полной мере ознакомить аборигенов с нашими достижениями и образом жизни. При этом нужна широкая пропаганда среди местного населения. Необходимо наладить выпуск печатных средств массовой информации на местном языке и радиопередач. К сожалению, телевизионной сети вещания на планете нет. Огромный плюс для нас – всеобщая грамотность населения планеты.

Демократические принципы должны быть внедрены в сознание каждого инопланетянина. Поскольку местная власть будет этому противиться, организовать массовое недовольство, переходящее в беспорядки. Вооружить население. После чего несложно произвести государственный переворот, ввиду отсутствия вооруженных сил. Монарха и преданное ему духовенство, во избежание в будущем эксцессов сопротивления, целесообразно изолировать или ликвидировать. Лучше всего руками самих аборигенов.

Под нашим чутким, но ненавязчивым руководством, провести, впервые в истории планеты, выборы народного самоуправления. Список кандидатов мы утвердим заранее. Придать этому событию статус государственного всепланетного праздника и отмечать его ежегодно.

Под предлогом защиты населения от космического вторжения, развернуть военную базу, оборудованную согласно нашим новейшим достижениям. В результате этих мер, в правительстве будут только исключительно преданные нам аборигены, которые будут содействовать достижению наших целей.

Таким образом, мы получаем доступ к богатейшим природным ресурсам планеты, которые столь необходимы землянам. При умело поставленной работе, аборигены сами будут добывать нужные нам ископаемые и отдавать нам в обмен на наше военное покровительство или по выгодной для нас цене. Необходимое оборудование у них уже имеется. Крайне выгодное для нас сотрудничество, при минимальных затратах. Такой шанс упустить нельзя.

Командор снова отключил диктофон и удовлетворенно откинулся на спинку кресла. Что ни говори, а он уже вписал свое имя в историю. Может быть, его назначат главным представителем земных интересов на этой планете. Будущее было радужным и прекрасным!

Крушение

Самолет привычно и монотонно гудел на десятикилометровой высоте. Пассажиры шатались по салону, кое-кто уже храпел. Ежедневный, будничный рейс из Петропавловска-Камчатского в Москву. Толик, рыхлый парень семнадцати лет, возвращался домой. Он давно привык к самолетам. Несколько раз летал в Европу и Египет с родителями на каникулах. Сейчас он летел один.

Самолет неожиданно стала бить крупная дрожь. «Просим оставаться на своих местах и пристегнуться. Наш самолет входит в зону турбулентности», – дежурная фраза стюардессы, не раз уже слышанная, не возымела своего действия. Самолет был заполнен чуть больше, чем наполовину. И сегодняшние пассажиры, по-видимому, летали этим рейсом не один раз.

Два мужика впереди продолжали разговор о каких-то месторождениях и бригадах. Полная женщина возле иллюминатора спала. Кресло между ней и Толиком было свободно. Он подсел поближе и вытянулся к иллюминатору, пытаясь разглядеть, что там делается на воле, но ничего не увидел. Сплошная белая пелена.

Вздумалось же родителям отправить его в гости к черту на кулички. Мол, когда еще увидишь Камчатку, а тут родственники какие-то дальние объявились, в гости приглашали. Самим, небось, надо в Москву слинять, вот и хотят мосты навести. Правда, приняли его хорошо, всю неделю кормили, показывали вулканы, разные достопримечательности. Но и не навязывали свое общество, когда он хотел отдохнуть. Хорошо, что комната отдельная была. Лег себе на диван и лежи, слушай любимую рок-группу.

Вулканы, конечно, это прикольно, но толку-то от них особо никакого. Ну, торчат они над городом, этот, как его, рельеф украшают – и все. А то еще извергаться начнут, это же вообще труба будет. Нет, в Москве и привычней, и спокойнее, да и дефицитов никаких нет. Тем более – друзья, подруги, в общем, полная жизнь!

До школы неделя осталась, можно еще оттянуться, а то последний класс, учеба, надо будет к экзаменам готовиться. Скорее бы долететь. Уже два часа в полете, значит, осталось еще семь. Первым делом своему корешу, Рашиду, позвоню. Пусть ко мне прируливает, расскажу ему про край света. Он там сроду не бывал, да и вряд ли поедет.

Легкая дрожь под ногами заставила Толика нервно обвести глазами салон самолета. Стюардессы нигде не было видно. Люди продолжали свою обычную мирную жизнь авиапассажиров, но возникло какое-то напряжение. Внезапно начало закладывать в ушах, и Толька понял, что самолет попал в воздушную яму.

«Внимание! Всем пассажирам пристегнуться и оставаться на своих местах! Просим соблюдать спокойствие».

Диспетчеры потеряли связь с самолетом в то время, когда он пролетал над Якутией. Как стало потом известно из материалов расследования специальной комиссии, непонятные перебои в работе двигателя совпали с плохой видимостью из-за тумана и сильнейшей электромагнитной аномалией.

Совокупность факторов привела к выходу из строя всех приборов самолета. Он совершил вынужденную посадку, во время которой погибли все пассажиры и экипаж. Но это стало известно только через неделю. Главная трудность заключалась в том, что из-за потери связи район бедствия был известен только приблизительно, и на поиски ушло несколько дней.

Все, что происходило после удара самолета о землю, Толька помнил плохо. Аварийный выход, возле которого он оказался, был открыт, он прыгнул на землю, плохо соображая, какая это высота, и сразу бросился бежать подальше от горевшего самолета. Следом за ним выпрыгнула женщина, потом еще кто-то, он не видел, бежал со всех ног, и в этот момент прогремел

взрыв. Толька упал ничком и замер, ожидая самого худшего. Но все было тихо. Даже очень тихо. Правильнее сказать, такой тишины он не слышал никогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.